

*Новый человек
в городе*

I

Никто не заметил, как он появился в городе, и это вызвало у всех чувство неловкости, которое охватило бы, к примеру, семью, увидевшую вдруг, что в гостиной сидит чужой, к тому же вошедший неизвестно как — даже дверь не скрипнула.

Он прибыл не с утренним восьмичасовым поездом и много раньше вечернего. И не на автобусе.

У него не было ни автомобиля, ни велосипеда. Миль самое меньшее на пятьдесят в округности нет ни одного коммерческого аэродрома, и прилететь незнакомец мог бы только на частном самолете, но на «Четырех ветрах», взлетной площадке местного клуба, не приземлялась в этот день ни одна машина.

Правда, жена Дуайта О'Брайена с примыкающей к городу фермы «Четыре ветра» — та могла бы знать, как все было, но в нужный момент, к сожалению, отвернулась в другую сторону. Она уже включила электричество, занавеси, однако задерживать не спешила: еще не совсем стемнело. Она задержалась у окна, глядя на первые хлопья снега, падавшие с низкого — почти вровень с верхушками кленов — неба. Потом в колыбели захныкал малыш, и она повернулась.

Приезжий увидел ее со спины в золотистом свете комнаты. По-видимому, даже угадал, что она склонилась над колыбелью.

Шли последние минуты сумеречного дня. Машина ехала с юга, где, должно быть, зарядил дождь: кузов был залеплен густой бурой грязью, толстым слоем покрывавшей скаты; брызги ее засохли на ветровом стекле, и «дворники» двигались толчками.

Включенные фары светились так же приглушенно, как окна фермы О'Брайенов. На перекрестке машина только притормозила. Мотор продолжал работать, из выхлопной трубы тянулся дымок. Незнакомец вылез, наклонился и вытащил из кабины свой багаж — чемоданчик вроде тех, что берут с собой футболисты, отправляясь на матч в соседний город.

Водитель, куривший сигару, коротко бросил:

— Желаю удачи!

Приезжий не дал себе труда ответить. Разом сорентировался и двинулся направо походкой, которую иные вскоре сочли странной — не то чтобы ленивой, но какой-то нерешительной: смешно выбрасывая вбок левую ногу, он шел такими размеренными и ровными шагами, что звук их мгновенно становился привычным и вы ждали его, как ждут скрипа знакомой двери или лестничной ступеньки.

Ноябрь только-только начинался, но здесь, во всяком случае, был уже первый день зимы. Незнакомец, если он впрямь приехал издалека, этого еще не знал. Непогода, разметавшая ржавую листву деревьев, не стихала целых трое суток; затем, к полудню, неожиданно наступило полное затишье, тучи прервали свой бег, просветы в небе задержались, и оно начало темнеть, становясь все более плотным, тяжелым, низким, пока с него не посыпались наконец первые снежные хлопья.

Эти хлопья, на которые Лемма О'Брайен смотрела из окна, падали теперь чуть гуще, хотя все еще не-

торопливо, и тут же таяли на асфальте шоссе и черной земле полей.

Первым зданием по левую руку, огни которого точнее, чем окна фермы О'Брайенов, обозначали черту города, был дом старых барышень Спрейг; метрах в двадцати за ним улица шла под уклон, и висел знак «Скорость 25 миль». Но барышни Спрейг уже опустили жалюзи. Чуть дальше, в чьем-то дворе, играли дети — ловили языком снежинки; поэтому они и не заметили человека, прошедшего мимо.

Сразу за дорожным знаком засверкали первые уличные фонари; интервалы между ними становились все короче, и наконец их сменили светильники с матовыми плафонами. Потом по обеим сторонам улицы потянулись тротуары, и незнакомец увидел внизу небольшое, похожее на созвездие скопление огней, к которому он и приближался все тем же ровным шагом, неся чемоданчик в руке.

Дома на холме, преимущественно деревянные, были окружены газонами и деревьями, сквозь ветви которых виднелись освещенные окна и — почти в каждом из них — дети.

Улица называлась Вязовой и была одной из самых нарядных в городе. Другие пересекали ее или шли параллельно, и всюду попадались такие же газоны, деревья, почтовые ящики на краю тротуара, такие же коттеджи, выкрашенные в белый, желтый, светло-зеленый цвет.

У подножия холма огни внезапно и необъяснимо исчезали, уступая место черному провалу, где сверкало лишь несколько слишком сильных слепящих ламп. Вы пересекали железную дорогу, мост над kloкочущей рекой и видели большие тусклые окна — кожевенный завод.

Со стороны могло бы показаться, что неизвестный уже бывал здесь: он ни разу не спросил дорогу и уверенно шел туда, куда, видимо, ему и требовалось.

Чарли сам долго был убежден, что кто-то в другом городе дал приезжему адрес его бара.

Почему незнакомец не остановился у первой же неоновой вывески, сразу за речкой? Там, в здании с красным фасадом, помещался другой бар — «Погребок». Из-за решетчатой двери доносились взрывы смеха, запах пива и виски чувствовался даже на середине проезжей части.

Может быть, неизвестный знал, что «Погребок», как всегда по субботам, переполнен рабочими, превращающими у стойки в наличные свои чеки на зарплату?

Не остановился он и на Мэйн-стрит, где привлекал к себе взгляды «Моуз», единственный приличный отель в городе, в холле которого в кожаных креслах с плевательницами по бокам вечно восседают, вытянув ноги и лицом к улице, приезжие коммивояжеры.

Он миновал и магазин Вулворта¹, свернул влево, на довольно еще оживленную торговую улицу, потом вправо, на другую, где светились всего четыре окна, и лишь после этого попал в бар к Чарли.

Он толкнул дверь так, словно уже открывал ее много раз; несколько секунд, не больше, постоял, как будто осматриваясь или снова вживаясь в когда-то знакомую атмосферу, и, не поздоровавшись, направился к стойке.

— Привет приезжему! — бросил Чарли, вытирая место перед ним.

¹ Американская компания магазинов стандартных цен, основанная Фрэнком Уинфилдом Вулвортом (1862–1919).

От Чарли ничто не ускользнуло — ни чемоданчик, ни привычка выбрасывать вбок левую ногу, ни то, что в этот час не может быть поезда или автобуса, а брюки у пришельца — в грязи.

— Первый зимний денек! — продолжал бармен, заметив снежинки на серой шляпе посетителя.

Чарли со всеми держался сердечно и непринужденно, рассчитывая, что ему ответят тем же.

«А этот посмотрел на меня так, будто я манекен с витрины», — жаловался он после.

Не понравилось Чарли и другое: жест, которым незнакомец, не ответив ему и вроде бы даже не слыша его, вытащил из кармана сигарету — одну, а не всю пачку.

Потом он оглядел бутылки в баре с таким видом, словно перед ним никого нет — только пустое пространство. Вынул из того же кармана спичку — одну, а не весь коробок, чиркнул ею о лакированную стойку и в перерыве между двумя затяжками распорядился:

— Пива!

Через дверь в глубине было видно, как хлопчет на кухне Джулия. Радиола негромко наигрывала какой-то мотив, и — неизвестно почему — при появлении незнакомца все замолчали.

Первым подал голос Юго, сидевший спиной к стене на последнем табурете у края стойки.

— Добро пожаловать! — бросил он из своего угла, поднял стакан с виски и одним духом выпил.

Потом рассмеялся и начал стрелять глазами по сторонам: он уже порядком охмелел.

Говоря по правде, больше всего задело Чарли то, что, войдя, неизвестный не выказал ни малейшего удивления. В других местах, например на Мэйн-стрит,

он нашел бы такие же бары, как в любом городе Соединенных Штатов, но ему пришлось бы исколесить сотни миль, чтобы попасть в нечто похожее на заведение Итальянца.

Зал с ярким, а не приглушенным, как обычно, освещением был довольно просторен, разделен, как на корабле, лакированными деревянными перегородками и меблирован светлыми столами и стульями из канадской сосны.

Но различие состояло в другом. Скажем, открытая дверь в глубине являла глазам настоящую семейную кухню, где орудовала жена Чарли, как раз собирающаяся усадить детей за стол.

Если бы кто-нибудь из посетителей захотел поесть, ему предложили бы не сосиски или сэндвич, а настоящий домашний обед с супом.

Бывали в баре только завсегдатаи, приятели хозяина, и Чарли не приходилось осведомляться, что они будут пить. Он не обслуживал их, а как бы угощал, знал их жизнь, семью, заботы.

А приезжий смотрел на все рыбьими глазами, словно в этом нет ничего особенного.

— Вы из Канады? — с вызовом в голосе полюбопытствовал Чарли.

С равным успехом он мог бы бросить камень в воду. Но от камня, брошенного в воду, хотя бы расходятся круги, а этот тип бровью не повел, словно глухой: Чарли даже удостоверился, нет ли у него в ухе слухового аппарата.

Задетый за живое, он не отставал:

— Что-нибудь с машиной?

Тут незнакомец раскрыл наконец рот. Но лишь затем, чтобы равнодушно отозваться:

— Я приехал не на машине.

Казалось, он нарочно старается выглядеть неприятным, отталкивающим человеком. Чарли, выдавший всякого рода людей, которые проезжают через город или останавливаются в нем, тщетно пытался определить, к какому сорту отнести чужака.

Судя по внешнему виду, он был из тех, кто ходит по домам, предлагая патентованные щетки и пылесосы.

Низенький, не столько толстый, сколько жирный, он, казалось, разменял уже пятый десяток; некоторая неухоженность в его облике наводила на мысль о том, что перед вами холостяк. Пальцы правой руки, в которых он держал сигарету, пожелтели от табака, а полукруг такого же цвета под нижней губой доказывал, что он всегда докуривает до самого конца.

Одет он был, как житель большого города, — светло-синий костюм, черные ботинки, слишком легкие для здешних мест. Заношенное демисезонное пальто цвета оконной замазки тоже мало подходило для зимы на севере.

В баре было восемь человек, и всем не терпелось возобновить прерванный разговор. Почему же они не решались на это, в замешательстве поглядывая на чужака? Первым нарушил молчание опять Юго: он наклонился к соседу и начал втолковывать:

— Мы у нас в краях...

Так всегда: стоит ему набраться, и он на своем невразумительном английском начинает вспоминать родные горы, расположенные где-то там, на востоке Европы.

Юго не слушали. Да ему это было и не нужно. Время от времени он поворачивался к Чарли, делал знак — долей! — и залпом, без содовой, проглатывал виски.

Музыка смолкла, и Чарли, как всегда во время последних известий, включил приемничек, пристроенный между бутылками. Джеф Сандерс, штукатур, и Пинки возобновили партию в кости.

— Бывали у нас в городе?

Чарли злился на себя за то, что делает столько авансов, но удержаться не мог. Любопытство мучило его, как ребенка. А ведь он был человек с опытом, не какой-нибудь там вчерашний иммигрант вроде Юго или поляков и латышей, работавших на кожевенном заводе и посещавших «Погребок», где слышалась речь на всех языках.

Фамилия его была Моджо, родился он в Бруклине и никогда не видел Неаполя, откуда приехал его дед. Начал Чарли рассыльным в зеленом магазине и, до того как обзавестись собственным делом, поработал барменом во многих городах — Детройте, Чикаго, Цинциннати.

Он затруднился бы сказать, где встречал людей, подобных человеку, заглянувшему сегодня в бар, но приезжий ему определенно что-то напоминал. Чарли слушал радио и в то же время украдкой наблюдал за неизвестным.

Он заметил, что у того нет обручального кольца, а поношенная рубашка не менялась уже несколько дней.

— Номер в гостинице сняли?

— Пока нет.

— Может, и не достанете.

Это, видимо, не встревожило незнакомца; он тоже изучающе осматривал посетителей — одного за другим.

Радио передавало последние известия: речь какого-то политика, забастовки, ураган, опустошающий

в эти минуты равнины Среднего Запада и уже унесший двадцать две жизни.

Затем радиостанция в Калé, что милях в шестидесяти от города, перешла к местным новостям:

«Груп Мортон Прайса, фермера из Сент-Джон-оф-Лейк, обнаружен в его пикапе, опрокинувшемся в придорожный кювет».

Все навестили уши: на этот раз речь шла об их краях, и фамилия погибшего была знакома каждому. Мортон Прайса застрелили за рулем его машины: пуля прошла ему правую сторону груди. Произошло это чуть позже полудня, когда фермер выехал из Кале, куда явился за покупками.

Дорогу домой он выбрал самую короткую — шоссе на озеро, на котором его и нашли два часа спустя; заправщик на бензоколонке видел, как Прайс в своем пикапе ехал мимо с каким-то неизвестным.

- Еще пива? — с улыбкой спросил Чарли.
- Захочу — сам скажу.
- Как вам угодно.

Заговор составился тут же. Этого не заметил только Юго, не умолкавший ни на минуту. Посетители и хозяин, обменявшись выразительным взглядом, принялись посматривать в сторону незнакомца.

Прайса убили милях в сорока от города, и радио предупредило, что преступник, вероятно, попытается удрать на попутных машинах.

На стене, рядом со стойкой, висел телефон, но воспользоваться им в сложившейся обстановке было совершенно невозможно.

- Пойду-ка домой обедать, — объявил Джеф с многозначительной миной.
- Погоди минутку: мой черед угощать.

Чарли хотелось проверить дело самому. Разлив виски по стаканам, он направился в кухню и на некоторое время исчез из вида.

В доме был черный ход, который вел в переулок, но Чарли явно им не воспользовался — он отсутствовал слишком недолго.

В таких обстоятельствах естественным тоном не очень-то поговоришь. К счастью, рядом играли в кости, и можно было сделать вид, что наблюдаешь за игрой.

Не послал ли он с поручением сынишку? Вполне вероятно. Кроме того, он наверняка принес из спальни револьвер: его белый передник заметно оттопырился.

Вид у него теперь был довольный, он даже насвистывал.

— Сдается, вы и теперь не хотите позволить мне угостить вас для первого знакомства?

Чарли сказал это не без опаски: незнакомец пристально смотрел на него, и бармен ничего не видел, кроме его больших темных глаз. Неужели чужак сообразил, зачем Чарли ходил на кухню? Его мясистые красные губы сложились в странную гримаску — насмешливую и презрительную одновременно.

— Если уж так настаиваете, налейте мне пива. Но я вас ни о чем не просил. Я никого ни о чем не прошу.

— Даже показать дорогу?

Чарли тут же струхнул: не слишком ли определенно поставлен вопрос, не слишком ли прозрачный получился намек?

— Или подвезти на машине?

Этих слов, произнесенных спокойным невыразительным тоном, оказалось достаточно: в зале сразу

потянуло холодком. На мгновение все, кроме Юго, словно замерли, руки как бы застыли в воздухе, затем опять задвигались, медленно и неловко.

— Виски?

— Пива.

Чарли, толстый, почти лысый, ростом был не выше, пожалуй, даже ниже приезжего; руки его, обнаженные по локоть, густо поросли черными волосами.

— Долго собираетесь у нас пробывать?

— Не знаю.

— Летом тут недурно, хотя кожевенный завод портит весь вид; зато зима суровая.

Чарли говорил, чтобы не молчать; он то и дело поглядывал на стенные часы и прислушивался к шагам на улице.

Когда наконец завывла сирена, бармен побледнел и машинально сунул руку под передник. Такого поворота он не предвидел. Не подумал о тех кратких секундах, когда окажется в опасности, без прикрытия. Предполагал, что шериф поведет себя осторожней, хитрей.

— Гляди-ка! — удивился Юго каким-то неестественным голосом. — Где-то драка.

Сирена приближалась с оглушительным воем, словно вбирая в себя весь воздух города; потом, у самого бара, внезапно смолкла. Захлопали автомобильные дверцы, в зал ворвался холодный уличный воздух, и на пороге, с крупнокалиберным револьвером в руке, появился Брукс в сопровождении двух помощников.

За все это время — а оно показалось вечностью — незнакомец даже не пошевелился. Сигарета, приклеившаяся к нижней губе, так и торчала у него во рту.

Большие короткопалые очень белые руки лежали на коленях ладонями вниз.

— Этот? — спросил Брукс, наставив оружие на незнакомца.

Обрацался он к Чарли; очевидно, бармен и вызвал его.

Помощники шерифа, проделав охватывающий маневр, встали справа и слева от приезжего. Поймав взгляд начальника, ощупали бока и карманы неизвестного, но оружия не нашли.

— Мы у нас в краях... — завел Юго, слезая с табурета: ему, видимо, не понравились действия шерифа.

Вот теперь незнакомец в первый раз позволил себе почти откровенно улыбнуться. Но не сказал ни слова, не встал, сохранял полное спокойствие.

Брукс смутился: он не знал, как подступить к нему.

— Поедете со мной.

— Если захочу.

— Не захотите — все равно поедете.

— Нет, только если захочу. Час закрытия баров еще не наступил, и выпить стакан пива в этом заведении не преступление, даже не проступок.

В глуховатом голосе приезжего, как в крике некоторых птиц, было что-то неуловимо неприятное.

— Он прав, — поддержал Юго, пытаясь вклиниться между неизвестным и полицейскими.

Его без разговоров отпихнули.

— Лучше не будем спорить, — проворчал Кеннет Брукс, хотя и не очень уверенно.

Незнакомец выгреб мелочь из кармана, отсчитал и положил на стойку то, что был должен за пиво.

СОДЕРЖАНИЕ

НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК В ГОРОДЕ	
<i>Перевод Ю. Корнеева</i>	5
БРАТЬЯ РИКО	
<i>Перевод Н. Брандис, Э. Шрайбер</i>	181